

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ: СОСЛАН ТЕМИРХАНОВ О «НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ ОСЕТИН»

С. А. Айларова

Статья посвящена важному аспекту творчества осетинского историка и просветителя Сослана Темирханова. В его трудах получило концептуальную оформленность представление о «народной религии осетин» (в церковной историографии характеризуемой как «язычество») как древнем индоиранском монотеизме с культом Единого Бога-Творца Мира, подчиненных ему небесных духов, бессмертной душе, рае, аде, ответственности человека перед Богом. «Народная религия осетин» предстает ядром этнической самобытности, основой социальной сплоченности и выживания осетинского народа. В переведенных на осетинский язык гимнах Риг-Веды предстает образ Бога-Творца, нравственные требования этой религиозной традиции. Концепция осетинской самобытности обнаруживает близость множеству подобных теорий в мировой общественной мысли, в основе которых – «протест против превращения человеческого достоинства в меновую стоимость». Исконная религия и культура предстают идеализированными, по сравнению с «грязно-торгашеским», что приходит в общество извне. Особенность осетинской историографии, осмысливавшей роль и христианства и индоиранской религиозной традиции в истории Осетии – своеобразный «монологизм» в интерпретации этого аспекта этнической истории. Каноническое православие четко отделялось от осетинского «язычества», хотя и удостаивалось подробных характеристик. В свою очередь, древняя индоиранская традиция рассматривалась вне связи и взаимодействия с христианством в истории, культуре, традициях осетин. Это закономерный этап осмысления истории и идентичности этноса. Но будущее – за исследовательской парадигмой диалога, позволяющей увидеть религиозную историю в ее симбиозных формах, во всей сложности и уникальности.

Ключевые слова: Осетия, Сослан Темирханов, осетинская историография, монотеизм, христианство, «народная религия осетин».

Для цитирования: Айларова С. А. Из истории национального самосознания: Сослан Темирханов о «народной религии осетин» // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 62-70. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.001

Конец XIX – начало XX в. в истории Осетии было временем общественного и культурного подъема, складывания молодой нации, поисков в общественном сознании основ этнической идентичности, ее духовно-религиозных оснований. Осмысливался исторический путь, пройденный предками осетин, создавшими неповторимую, самобытную культуру, базировавшуюся на началах гуманности.

В этот период в интеллектуальном и духовно-религиозном пространстве Осетии определились два дискурса: православно-христианский и традиционнo-«народный». В их рамках формировалась осетинская историческая наука,

выдвинувшая ярких, самобытных авторов. Представители церковной интеллигенции, первые православные историки Осетии, увидели основание духовного развития нации в христианстве, сопровождавшем вступление алан-осетин на арену истории. Исследования Алексия Гатужева и Александра Кодзаева реконструировали историю христианства в Алании-Осетии, опирались практически на всю имевшуюся на тот момент источниковую и литературно-историографическую базу, показали исконность и древность этой религиозной традиции в этнической истории. Вместе этот гармоничный исследовательский альянс представил

изумленной общественности Осетии историю ее тысячелетнего православия, его взлетов, падений, его устремленности в будущее (см., например: [1]).

В период революции 1905-1907 гг. в российском обществе складывается критическое отношение к социально-культурной деятельности Русской Православной Церкви; либерально-прогрессивной общественностью отрицалась ее роль в государственной системе, влияние на просвещение и народную школу. В северокавказском регионе это получило отражение в позиции осетинского учительства, требовавшего реформ в области образования и контроля гражданского общества над епархиальными властями, руководителями церковной школы. В печати развернулась оживленная дискуссия о роли христианства в осетинской истории и культуре, участии церкви в организации начального образования. В полемике приняли участие представители как осетинской, так и русской интеллигенции, деятели церкви и администрации [2].

Антиклерикальные настроения разделяло не все общество и даже не большая его часть, но на волне революционных настроений они были заявлены и сохранились в общественном сознании. В рамках этого дискурса определилась некая тенденция, рос интерес к традиционной составляющей духовной культуры этноса, «народной религии осетин», определяемой обычно в церковной историографии как «язычество» [3].

Ярким представителем этого направления исследований было творчество Сослана Темирханова (писавшего под псевдонимом «Вано»), чьи работы до настоящего времени не привлекали серьезного внимания кавказоведов [4]. Между тем, С. Темирханов был не только интересным историком, но и первым исследователем проблемы культурно-исторической самобытности осетин.

Эту проблему он пытался рассмотреть сквозь призму особенностей национального характера, оригинальности исконной духовно-религиозной традиции, анализа конкретного историко-культурного материала. Стремлением к познанию специфики этнической культуры, определившей духовное своеобразие народа, его способность к саморазвитию, самоосуществлению в истории, проникнуты все работы историка-любителя – от главного труда «Иры истори» до культурологических очерков и зарисовок, написанных и на русском, и на осетинском языках [5]. По мнению Темирханова, именно религиозная традиция и духовное своеобразие народа образовали фундамент этнической индивидуальности, сформировали ядро ценностного мира осетин, основу их самостоятельности в истории. В работах историка-просветителя понятию «народной» религии осетин придана концептуальная оформленность. В его интерпретации – это древний индоиранский монотеизм, духовное наследие предков осетин, доживший в своей полноте до современности.

Своеобразие и самобытность этнической индивидуальности «задавались» этногенезом осетинского народа, сплавившего в истории две иранские этнические стихии – древних носителей кобанской археологической культуры рубежа бронзового и железного века и номадов северо-востока Евразии, военных пассионариев сарматов и алан. Каждая внесла в культуру осетинского этноса свою духовную доминанту и ценности. Оба этнических начала укрепляли в духовной культуре народа исконные праиндоиранские верования и обряды. Общие индоиранские корни питали отличительные черты осетинской ментальности и картины мира, которая в истории сталкивалась с другими этнокультурными и религиозными системами.

Индоиранское религиозное наследие определило процесс восприятия христианства у средневековых алан, сохранив под именами христианских святых и христианскими обрядами много древних индоиранских религиозно-мифологических образов и черт; не позволило исчезнуть старым верованиям и ритуалам и нашло им место в новой религиозной системе.

«Хотя осетины официально числятся христианами и мусульманами, но до сих пор они держатся религии своих предков, согласно которой верят в Единого Бога, Творца Мира, в существование души и загробного мира, и в мир духов, подчиненных Богу», – пишет Темирханов в очерке «Народная религия осетин» [5, 148-149]. Все особенности «народной религии осетин» – духовно-нравственные и обрядовые – отличались яркой самобытностью и своеобразием. «Эта религия осетин не знает ни храмов, ни идолов, ни священнического сословия, ни священных книг. Взамен священных книг она имеет мифологию, полную безыскусственной поэзии, возбуждающей ту святую искру, которая поднимает человека, освещает и греет его душу, заставляет его стремиться к добру и свету, дает ему мужество и силы безбоязненно бороться со злом и пороком, вдохновляет его к самопожертвованию для блага ближних» [5, 149]. В центре этой религии – культ Бога-Творца, духовного и нравственного Абсолюта. «Осетины никогда не говорят о сущности Бога, не изображают его и ничего не утверждают как доподлинно Богом сказанное, но зато часто слышишь у них, как, укоряя бессовестного, говорят: “Бойся Бога, имей совесть”» [5, 149]. Мир духов и ангелов подчинен Богу, и является лишь проявлением его духовной силы: «Веруя в Бога, Творца Мира, осетины, однако, жертвоприношения делают только покровителям-духам, полагая, что от их вмешательства зависит достижение поставленных це-

лей... неразумно низводить Бога на степень пристрастного существа, способного из-за жертвоприношений исполнять просьбы, носящие большей частью эгоистический характер, направленные в ущерб другим» [5, 149].

Вера в бессмертие души послужила основой глубоко развитого культа предков, определила межпоколенную преемственность: «Кульмт усопших носит у осетин глубоко религиозный характер. Умерший, как дух, жив и не прерывает связи с живущими на земле. Умершие постоянно поминаются на домашних жертвоприношениях, и таким образом потомки проникаются духом предков» [5, 150]. Это сплавивало семью, делая ее единым целым с ее ушедшими членами, питало родовое и этническое чувство народа, живущего в истории и в вечности. «Благодаря культу предков, – пишет Темирханов, – осетин с детства пользуется особенно бережным отношением старших поколений, затем, возмужавши, принимает на себя всю заботу о семье и о родителях и, наконец, на старости лет пользуется покоем, окруженный вниманием и почетом» [5, 150].

Вся социальная жизнь общества была выстроена на религиозных принципах, была пронизана солидарной духовностью: «Все религиозные празднества осетин служат развитию солидарной общестственности и представляют из себя общественные трапезы на религиозной подкладке. За общим трапезным столом садятся все на равную ногу – и последний бедняк, и первый богач, и знатный, и простой, и во имя покровителей-духов вкушая хлеб и яства, проводят трапезу в собеседовании о светлых духах-дзуарах, о мифических предках нартах и о подвигах народных героев, а также об общественных и национальных делах. Все это создает атмосферу общего подъема и содействует взаимному пониманию и духу единения» [5, 150].

Эти религиозные традиции создают социальный космос осетинского этноса, поддерживают благородный демократизм и достоинство во взаимоотношениях людей, являются основой любых общественных действий и начинаний. «Благодаря этому люди различных общественных положений составляют одно широкое общество, встречаются как равные, бывают друг у друга и пиршества и увеселения проводят вместе. Это общение поднимает умственный кругозор бедных и необразованных осетин, не знакомых с жизнью культурных центров, а интеллигенции не позволяет оторваться от народа и превратиться в узкий замкнутый круг. Этим же общением вызывается взаимопомощь, сильно развитая у осетин, и уважение человеческой личности, и вообще терпимость к другим, и как следствие всего этого – выдержка и такт во взаимоотношениях и общественная дисциплина» [5, 151]. Религиозность пронизывает всю ткань жизни общества и придает даже рядовой повседневности характер духовного деяния: «Дух религиозности проникает и в обычаи осетин, и потому одно исполнение их облагораживает отношения людей и придает им стройность и красоту. Вообще, религия осетин дает уроки нравственности и учит трудолюбию, мужеству, выдержке и самопожертвованию» [5, 151].

Духовное достояние предков осетин помогло народу выжить в своей трагической истории и с уверенностью смотреть в будущее. «Эта религия – та сила, которая поддерживала несокрушимость духа осетин в их титанической борьбе со стихийными бедствиями гор и их бесплодием, а также и засилием врагов, не дававших им возможности свободно вздохнуть», – делает вывод Темирханов [5, 151].

К характеристике традиционной религии как основе этнической самобыт-

ности осетин, Темирханов обращался и в своем основном труде «Иры истории». Корни религиозного мировоззрения предков осетин восходят к мифологии и религии древних ариев (индоиранцев), которую представляют древние тексты Авесты и гимны Риг-Веды [6]. Темирханов самостоятельно перевел несколько гимнов Риг-Веды на осетинский язык, и они ярко представляют образ Бога-Творца Мира, требования Его к человеку и ответственность человека перед Богом, особенности религиозного культа и обычаев. «*Риг-Веды зарджитай зыны, рагон ир дуне Сфалдисаг Хуыцауыл кай уырныдтой ама уый йа тыхай тых кай дэтты уеларвон дзуарттаен, уырныдта са, удан малает кай най, уый царды цахер у ама уеларвай захма маргъау артахы, стай фастама стахы ама, йа хъуыддагтаем гасга, йа рухс дзанаэтма бацауы, йа сау зындонма – иу дзырдай, лаг йа малаеты фаста йа заххон царды тыхай дзуап ратты, ама цы аккаг ваййы, уый ссары. Уырныдта са: лаг зардиагай куы скува, уад йа куывд уеларвма хэцца каны, ама табу кенгайа куывтой дуне Сфалдисаг Хуыцаума, рухс уеларвон дзуарттаен нывандта хастой, фала къухай конд гуымырытаен на куывтой, сауджынта на дардтой, аргъуанта на кодтой, кувтой уаллох цъах наутыл кана хъады ауон расугд ратты*» [5, 94]. – «Как повествуют гимны Риг-Веды, древние иры верили в Единого Бога-Творца. Что небесные духи есть частицы его духовной силы; что душа бессмертна, она искра жизни, и прилетает как птица на землю, с тем, чтобы затем улететь, и в соответствии с земными делами или войти в светлый рай или в черный ад – одним словом, человек после смерти отвечает за свои поступки, и ему воздается по делам его. Верили, что если молитва человека чистосердечна, то достигает небес, и они молились Богу-Творцу Мира, приносили жертвы светлым

небесным духам, но не поклонялись рукотворным идолам, не держали священников, не строили храмов, молились на полянах горных вершин или в красивых тенистых рощах» (здесь и далее перевод наш. – С. А.).

Первый переведенный Темирхановым гимн из Риг-Веды представляет концепцию древнего монотеизма, понимание Единого Бога как Абсолюта, сосредоточивающего в себе всю духовную мощь Вселенной. Небесные силы и локальные божественные сущности получают духовную поддержку и обозначенные пределы своей ответственности от Создателя Мира и подчинены ему [6]:

– *Йае тыхаей тых чи дайтты уеларвон*
дзуаерттаен,
Йае тыхаей чи раэзын каены арв аемаэ зэхх, –
Уае, адамтае, – уый Дуне Сфаелдисаг у.
Зэххы чи ныффидар кодта йае бындуртыл,
Хур, май, стгальытае чи цаеуын каены, –
Уае, дзыллаетае, – уый Иунаг Хуыцау у.
Йае цардаей цард чи дайтты удгоймагтаен,
Тарсагты чи бырсын каены хъабатырттаен, –
Уае, адамтае, – уый Дуне Сфаелдисаг у [6, 95].

– Тот, кто от своей духовной мощи дает крупичи небесным силам,
 Чьей силой пронизаны небо и земля,
 О люди, – это Творец Мира.
 Тот, кто создал землю своей волей,
 Тот, кто движет звезды и светила, –
 О народы, – это Единый Бог.
 Тот, кто своим бессмертием дает жизнь всем смертным,
 Тот, кто делает бесстрашными героев, –
 О люди, – это Творец Мира.

Следующий гимн иллюстрирует свойственное древней индоиранской религиозной мысли противопоставление истины и лжи, правды и порока. Человек, обладающий свободной волей, сам определяет свою судьбу, делает этический выбор:

Цаемаен сты маенг ныхастае,
Цаемаен сты гедды митае?
Байхгус-ма дае хуылфмае,
Бафсарс-ма дае заердае,
Аемае дын зеггьдзени,

Ацаг аема маенг цуу.
Авзаер фаенд сур дахицаей
Аема йае ма дар да хгус,
Раестдзинадыл цу
Аема йыл хаец хъабар.
Фыд хгуйыдаг каенгаейае,
Иунаг даен ма зеггь:
Хур, май аема арв,
Стгальытае аемаэ зэхх
Уыныныц нае хгуйыдагтае,
Уынаем са наехуыдтаг даер
Аема нае намысаей даер,
Уеларваей даер нае уыдысты рох

[5, 94-95].

Почему в мире есть ложь и обман,
 Загляни в свою душу,
 Спроси свое сердце,
 И оно тебе скажет,
 Где правда, а где ложь.
 Гони от себя дурные мысли,
 Не давай им овладеть тобой,
 Твердо стой за правду.
 Но если замышляешь недоброе,
 Не думай, что невидим:
 Солнце, месяц и небо,
 Звезды и земля
 Видят наши поступки,
 Видим их и мы сами,
 И их оценит небо и наша совесть.

Военная доблесть – этическая ценность, имеющая глубокое религиозное значение, включенная в сердцевину индоиранской духовности:

Фалабурут уае гаерттаем гье ныр,
хъабатырттае!
Анае тарсае, лаппутае, схачут знагимае,
Аемае уеллеуыл уае ном баззайдзэн,
Мардты та сымахаен дзенает гом уыдзэн
 [5, 95].

Возмись за оружие, герои!
 Без страха сражайтесь с врагами,
 На земле останется ваше славное имя,
 А в лучшем мире вам будут открыты двери рая.
 И наконец, моральная сентенция, столь близкая осетинским пословицам и поговоркам:
Усаей цаеуы хадзары фарн,
Ладжы кад аемаэ заенаджы хорз...
 [5, 95].

Женщина – это благополучие дома,
 Честь мужа и достойное потомство...

Проводя столь широкие и смелые культурно-религиозные параллели, Темирханов опирался как на известные исследования В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, так и капитальные культуроведческие издания, такие как труд М. Каррера «Искусство в связи с общим развитием культуры человечества» (1870) [7].

На протяжении столетий предки осетин берегли свою светоносную религию. Но взаимодействие с разными сильными народами древности и средневековья не обходилось и без религиозных контактов. Служба по найму в войсках римлян и византийцев заражала предков осетин страстью к деньгам и способствовала переходу в религию своих сюзеренов. «*Ромæгтæ æмæ византиæгтæ адзæсгом, æнаггаг уыдысты, æмæ сæ астæу цæргæйæ ир удоны æнæ фæзмгæ нæ уыдаиккой, уымæн æмæ чи кæмæн хъуыддаг кæны, уый фæзмы. Афтамæй, уыдонны фæзмгæйæ, ир чысылгай уыдон хуызæн кодтой æнаккаг, æдзæсгом, æмæ фæстæмæ хи бæстæм афтамæй здæхгæйæ сæ фыдзонд чысылгай æфтыдтой æгас ирыл. Æмæ куыд фæстагмæ, æнаггаг æмæ æдзæсгом кæнгæйæ, намыс нал баззад ирмæ. Намыс кæмæ нал вæййы, уыцы адæм та сæ Хуыцау фæрох кæнынц, æмæ уæд кæцыдæриддæр йæхицæн пайдадæр æмæ æдасдæр цы у, æрмæст уый кæны. Пайда æмæ æдас та уый у, æрмæст хи мæтæй цæрын æмæ тыхджындæртæн кувын, æдыхдæрты æргæвдын. Ахæм адæм тыхджындæрты Хуыцауæн бакувынц, уыдон диныл ацæуынц, æмæ уæды ир дæр бакодтой афтæ æмæ бакуывтой византиæгты Хуыцауæн, уымæн æмæ уыдон тыхджындæр уыдысты» [5, 112]. – «Римляне и византийцы были корыстными, сребролюбивыми людьми, и живя среди них, осетины стали подражать им. И вот, подражая им, осетины становились такими же корыстными, и возвращаясь домой, заражали любовью к деньгам и все общество. Люди без чести и совести забыва-*

ют своего Бога, и делают только то, что им выгодно и полезно. А польза их в том, чтобы жить только для себя и поклоняться сильным мира сего. Такие люди молятся только богам своих хозяев, принимают их веру, и многие представители народа “ир” так и сделали и приняли веру византийцев, христианство, потому, что Византия и византийцы были сильнее».

Когда предки осетин прекратили практику военного наемничества, они избавились от «болезни» корыстолюбия – «...æмæ фæстæмæ Хуыцауæй тæрсын кæй базыдтой, сæ кæрæдзийыл хæцын кæй байдидтой æмæ сын уый стыр тых кæй радта». – «...они вновь боялись Бога, стали более сплоченными и это придало им мощь и силу». Народ в целом продолжал придерживаться традиционной религии и обрядов, выдерживая в истории давление очень сильных военных и миссионерских центров. «*Ир арабæй нысылмон дин нæ айстой, æмæ уый æвдисы, ир арабы рæстæджы æцæгдæр лæмагъ адæм кæй нæ уыдысты æмæ знаджы къухы дæр сæхи хъахъхъæнын кæй зыдтой. Уый уæлдай диссаг уымæн у, æмæ араб уæд кæй бырстой, уыцы адæмтæ иууылдæр цыдысты уыдон диныл, æмæ кæд ир, уыдон къухы уæвгæйæ, уыдон диныл нæ æцыдысты, уæд уый æвдисы, ир уæд удыхъæдсæй къæдзæхау фидар кæй уыдысты æмæ сæ дин, сæ æгъдæуттыл кæй хæцыдысты фидар» [5, 116]. – «Предки осетин не приняли от арабов ислам, и это показывает, что в эпоху арабских завоеваний они показали себя народом мужественным, умеющим за себя постоять. Удивительно, но обычно народы, бывшие под властью арабов, принимали ислам, и если это не случилось с осетинами, то это говорит о силе их духа, верности своей религии». Вхождение в состав России уже в Новое время положило начало широкой кампании христианизации осетин, часто сопровождаемой «одариванием» подарками при крещении и административным давлением. Однако «глубоко религиозное мировоззрение осетин, унаследо-*

ванное ими от предков, не позволило прийти к ним чуждым религиям» [5, 151].

Концепция осетинской самобытности, развиваемая Темирхановым, в центре которой «народная» религия, обнаруживает близость множеству подобных концепций в мировой общественной мысли. В ее основе – «протест против превращения человеческого достоинства в меновую стоимость» (К. Маркс). Традиционная религия и культура предстают в такой концепции идеализированными по сравнению с тем «грязно-торгашеским», что приходит в нее извне. И само традиционное общество предстает не как государство с властями во главе, а как свободное товарищество, скрепленное солидарностью и взаимопомощью [8].

Понятна идеализация такого видения осетинской идентичности в период рыночной трансформации Осетии, когда стала нарастать трудовая миграция в центральные регионы России, Америку и Новую Зеландию, когда явственно обнажились глубокие противоречия модернизации. Вхождение традиционного общества в современную реальность несло много опасностей, угрожая разрушением оснований этнической культуры, ценностной варваризацией и потребительской вульгаризацией общественной жизни.

В такой трактовке самобытности есть и достаточно логичный посыл – приобщение к исконному религиозно-духовному ядру, без редукции его к ценностям и началам иных культурных организмов. Ибо сохранение в религиозной практике элементов верований с многотысячелетней историей является само по себе «историческим феноменом, значение которого выходит далеко за рамки собственно кавказоведения и представляет огромный интерес с точки зрения мирового религиоведения» [9, 50].

В духовно-культурном пространстве Осетии начала XX в. труды осетинских просветителей Сослана Темирханова и христианских историков Алексия Гатуева и Александра Кодзаева выступали во многом как соперничающие, предлагавшие различное видение истории, религиозного ядра этнической самобытности осетин, основы социального сплочения и развития народа. Вместе с тем, монотеистическая основа разных религиозных традиций, идеи добра, братства, достоинства человека и его ответственности перед Богом создавали базу для диалога и взаимодействия. На протяжении тысячелетней истории шел процесс взаимопроникновения религиозных традиций. В итоге произошло закономерное слияние элементов христианства с индоиранским религиозным миропониманием и сформировалось «народное» христианство, до сегодняшнего дня пронизывающее многие сферы жизни и ментальности осетинского общества.

Особенностью «ранней» осетинской историографии, осмысливавшей роль христианства и индоиранской религиозной традиции в истории осетин, был своеобразный «монологизм» в интерпретации этого аспекта национальной истории. Каноническое православие четко отделялось от осетинского «язычества», хотя последнее и удостаивалось достаточно подробных характеристик. В свою очередь древняя индоиранская традиция рассматривалась вне проявлений христианства в истории, культуре, традициях осетин. Возможно, это был закономерный этап осмысления религиозной истории и идентичности этноса. Но будущее было за исследовательской парадигмой диалога, позволяющей увидеть историю во всей ее сложности, уникальности и универсальной значимости.

1. Айларова С. А. История, формирующая идентичность: аланское православие в книге А. Н. Кодзаева «Древние осетины и Осетия» // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 36 (75). С. 47-61.
2. Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В. Периодическая печать начала XX в. о путях развития церковно-приходской школы в Осетии // Вопросы истории. 2022. № 12-3. С. 40-51.
3. Штырков С. А. «Народная религия осетин»: судьба концепта в XIX-XX вв. // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Электронный ресурс). URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-154-1/978-5-88431-154-1_49.pdf
4. Айларова С. А. Образы модернизации: о творчестве Сослана (Вано) Темирханова // Известия СОИГСИ. 2022. Вып. 46 (85). С. 61-71.
5. *Темирханты Сослан*. Иры истори. Радзырдтæ, таурæгътæ, аргъæуттæ, зарджытæ, очерктæ, фыстæджытæ/Сост., предисл. Т. Н. Сагутоновой. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1994. 166 ф. (на осет. яз.)
6. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. 304 с.
7. Каррер М. Зачатки культуры и восточная древность // Искусство в связи с общим развитием культуры человечества. М.: Изд-е К. Т. Солдатенкова. 1870. Т. 1. 445 с.
8. Ерасов Б. С. Концепции культурной самобытности в странах «третьего мира» // Вопросы философии. 1971. № 11. С. 40-51.
9. Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994-1999 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН. 405 с.

Aylarova, Svetlana A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); aylarova54@mail.ru

FROM THE HISTORY OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS: SOSLAN TEMIRKHANOV ABOUT “FOLK RELIGION OF OSSETIANS”.

Keywords: Ossetia, Soslan Temirkhanov, Ossetian historiography, monotheism, Christianity, “folk religion of Ossetians”.

The article is devoted to an important aspect of the work of the Ossetian historian and educator Soslan Temirkhanov. In his writings, the concept of the “folk religion of the Ossetians” (in church historiography characterized as “paganism”) was conceptualized as an ancient Indo-Iranian monotheism with the cult of the One God-Creator of the World, the heavenly spirits subordinate to him, the immortal soul, heaven, hell, the responsibility of man to God. The “folk religion of the Ossetians” appears as the core of ethnic identity, the basis of social cohesion and survival of the Ossetian people. In the hymns of the Rig-Veda translated into Ossetian, the image of God the Creator, the moral requirements of this religious tradition appear. The concept of Ossetian identity reveals closeness to many similar theories in world social thought, which are based on “a protest against the transformation of human dignity into exchange value”. The primordial religion and culture appear to be idealized, in comparison with the “dirty-merchant” that comes into society from the outside. A feature of Ossetian historiography, which comprehended the role of both Christianity and the Indo-Iranian religious tradition in the history of Ossetia, is a kind of “monologue” in the interpretation of this aspect of ethnic history. Canonical Orthodoxy was clearly separated from the Ossetian “paganism”, although it was awarded detailed characteristics. In turn, the ancient Indo-